

**ПАРТИЙНАЯ ИНФОРМАЦИОННО-СПРАВОЧНАЯ
ДОКУМЕНТАЦИЯ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ
СОВЕТСКОЙ АНТИРЕЛИГИОЗНОЙ И АНТИЦЕР-
КОВНОЙ ПОЛИТИКИ В 1917–1930-Е ГОДЫ**

А. В. Сипейкин

Статья посвящена партийно-советским информационным документам как источнику по истории антирелигиозной политики в Советском Союзе, чрезвычайно важному для исследования истории церковно-государственных отношений.

Ключевые слова: антирелигиозная политика, информационные документы, ОГПУ

Справочно-информационная документация выполняет подчинённую роль по отношению к организационно-распорядительным документам (уставам, инструкциям, приказам и т. д.) Основная функция исследуемых в статье документов – донесение информации о фактическом состоянии дел. Полная реализация этой функции делает возможным принятие правильных управленческих решений. К партийным информационно-справочным документам относятся справки, докладные записки, служебные письма, сводки, обзоры. К этой же группе, как правило, относят протоколы.

Актуальность исследования обусловлена тем, что такого рода документация расширяет представления о политике государства в отношении религиозных организаций и отражает её восприятие обществом. Однако, к сожалению, положенное «по инструкции» для информационных документов адекватное отражение реальности является задачей практически не достигаемой. Эта реальность в документах зачастую осознанно «конструируется». Цель данной статьи – приблизиться к пониманию того, насколько объективной была созданная в советских информационных документах картина, и каковы особенности преломления реальности в сознании её создателей. Данная задача представляется решаемой с учётом достижений социологии знания, в которой исследуется созданный обществом «символический универсум», являющийся «матрицей всех социально объективированных и субъективно реальных значений», средством упорядочения «реальности повседневной жизни» и придания смысла собственной жизни¹. Изучение особенностей «социального конструирования реальности» в со-

¹ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1996. С. 149–164.

ветском обществе на примере её отражения в информационных документах позволит определить, во-первых, до какой степени эти источники могут быть использованы при изучении тех или иных аспектов советской политики в отношении религиозных организаций и религии в целом, и, во-вторых, позволит дополнительно пролить свет на особенности формирования советской бюрократической картины мира.

Поскольку религия выполняет (наряду с множеством других) важную функцию по формированию определённого отношения к миру в целом, т. е., в терминах социологии знания, она «символически представляет институциональный порядок во всей его целостности»², радикальное, воинствующее отрицание религии и её права на существование не могло не повлиять на особенности восприятия действительности советским человеком. Поэтому исследование причин и результатов изменений в восприятии религиозных феноменов в XX в. представляется одной из первостепенных задач для исследователя советской культуры. При этом следует отдавать себе отчёт в различиях между постепенными сдвигами в массовом сознании, приводящими к тому или иному отношению к религии и церкви (тем менее осознаваемых, чем к более отдалённому периоду относится изменение и чем больший круг людей охватывает), и сознательными попытками представить себя в глазах власти имущих в качестве обладающего именно теми качествами, которые необходимы в данный исторический момент. Возможно, что лучшим индикатором соотношения того и другого является быстрота сдвига – от истовой веры к воинствующему атеизму и обратно³. Представляется, что именно исследование информационной документации должно сыграть ключевую роль в описании столкновения между двумя силами – пламенем истинной веры и энергией социального конформизма (превратившегося из союзника Церкви в яростного врага).

Среди документов, которые можно использовать как источник по истории антирелигиозной и антицерковной политики, особое внимание современных исследователей привлекают информационные сводки⁴. Были также исследованы протоколы, письма, докладные записки и другие доку-

² Бергер П., Лукман Т. Указ. соч. С. 126–127.

³ Не стоит недооценивать, впрочем, и специфику культурной динамики Российской цивилизации, характерные для отечественной культуры «маятниковые колебания».

⁴ Борисова Л. В., Виноградов В., Ивницкий Н. А., Кондрашин В. Информационные материалы ВЧК–ОГПУ за 1918–1922 гг. как исторический источник // Советская деревня глазами ВЧК–НКВД–ОГПУ: Док. и матер. 1918–1922. М., 1998. Т. 1. С. 23, 39; Виноградов В. К. Информационные материалы ОГПУ за 1923–1929 гг. // Там же. М., 2000. Т. 2. С. 32; Севостьянов Г. Н. Предисловие // «Совершенно секретно»: Лубянка–Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). М., 2001. Т. 1, ч. 1. С. 11–19; Теренс Мартин Обзоры ОГПУ и советские историки // Там же. С. 21–26; Гэтти А. Ценный исторический источник // Там же. М., 2002. Т. 3, ч. 1. С. 31–33 и др.; Вийхавайнен Т. Материалы ОГПУ за 1925 год о настроениях в советском обществе // Там же. С. 27–29; Питер Х. Соломон-младший Летопись фактических событий // Там же. М., 2001. Т. 7. С. 21–26.

менты делопроизводства Политбюро ЦК⁵. Однако представляется важным дополнить эти исследования характеристикой каждого из видов информационных документов с учётом особенностей сбора информации как в центральных, так и местных органах власти, партийных и общественных организациях. В качестве примера последних в статье берётся Союз воинствующих безбожников, поскольку именно он в соответствии со своим названием претендовал на роль ведущей общественной организации, которая содействует окончательной победе атеизма в советском обществе. Другие общественные организации зачастую тяготились обязанностью принимать какое-либо участие в антирелигиозной активности властей⁶.

Количественно среди информационных документов преобладает переписка. *Служебные письма* – средство общения между учреждениями и должностными лицами. Служебные письма, хранящиеся в провинциальных архивах, как правило, предназначены для решения оперативных вопросов. Подобные документы позволяют выявить характер взаимодействия между различными организациями, ответственными за проведение антирелигиозной политики, разделение между ними функций. Так, секретное письмо, разосланное уездным советам Союза безбожников из Тверского губернского совета Союза в декабре 1927 г., было связано с потребностями большевистской партии и органов ОГПУ в информации о религиозных организациях. В данном документе местным ячейкам безбожников предписывалось организовать наблюдение за общинами евангелистов с целью выяснения характера сектантской пропаганды и учёта собранных сектантами сумм. Данная слежка организовывалась в связи с намечавшимися новогодними выступлениями евангелических проповедников и сборами пожертвований на Всесоюзную евангелическую миссию⁷. Однако можно предположить, что это было далеко не единственное поручение такого рода и одной из основных, хотя и не афишируемых задач Союза безбожников был сбор секретной информации о религиозных организациях.

Кроме того, переписка между местными органами власти позволяет изучить особенности реализации того или иного пункта программы антирелигиозной работы на локальном уровне. Например, изучить процесс отчуждения церковного имущества, методы борьбы с религией в том или ином регионе, кампанию по освобождению от педагогической работы религиозных учителей⁸ и т. д. Часто письма содержат соображения представителей власти о сущности происходящих событий. Поскольку адресат

⁵ Петров С. Г. Документы делопроизводства Политбюро ЦК РКП (б) как источник по истории Русской церкви (1921–1925 гг.) / Отв. ред. Н. Н. Покровский. М., 2004; Савельев С. Н. Протоколы антирелигиозных мудрецов // Религия и свободомыслие в культурно-историческом процессе. СПб., 1991. С. 154.

⁶ Тверской центр документации новой и новейшей истории (далее – ТЦДНИ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 4075. Л. 5.

⁷ Государственный архив Тверской области (далее – ГАТО). Ф. Р-2426. Оп. 1. Д. 2. Л. 8.

⁸ Там же. Ф. Р-291. Оп. 12. Д. 176; Общество и власть. Российская провинция. 1930 г. – июнь 1941 г. М., 2005. Т. 2 / Сост. А. А. Кулаков, В. В. Смирнов, Л. П. Колодникова. С. 966.

этих писем – другой представитель власти, интерпретация фактов, как правило, выдержана в духе официальной идеологии, предельно «благонамеренна». В то же время эта «идеологическая выдержанность» зачастую находит своеобразное преломление в сознании авторов писем. В случаях, когда авторы писем признавали успехи религиозных организаций в борьбе за души верующих, этому факту придаётся своеобразное «классовое» объяснение. Так, в письме полномочного представителя ГПУ по Сибири И. П. Павлуновского председателю Сибирского революционного комитета М. М. Лашевичу от 23 июля 1923 г. быстрый рост в регионе сектантства объясняется тем, что «сибирский кулачок <...> вновь зашевелился и начинает создавать свои организации в форме сектантских объединений и понемножечку лезет в сельсоветы». Затем, по версии автора письма, «к сектантству, как к форме организации кулацких слоев в деревне, неизбежно потянет и эсер, и белогвардеец, меланхолически настроенный интеллигент». Кроме того, И. П. Павлуновский, подчёркивает, что имеет место помощь сектантам со стороны американского правительства⁹.

В фондах центральных органов власти хранится переписка, в которой обсуждаются вопросы выработки политики в отношении религии и религиозных организаций, обсуждаются имеющие место нарушения прав верующих, например, незаконное обложение священнослужителей¹⁰. Большой интерес представляет переписка руководителей советского государства, дающая возможность понять, до какой степени лидеры советского государства были едины в вопросе о целесообразности тех или иных антирелигиозных и антицерковных мер, выявить степень участия каждого из них в разработке стратегии войны на «антирелигиозном фронте». В качестве примера можно привести письмо А. В. Луначарского, в котором нарком просвещения интересуется причинами ареста священника Ф. Н. Орнатского, переписку об аресте патриарха Тихона¹¹, записки, почтотелеграммы, шифротелеграммы и письма Троцкого об организации изъятия церковных ценностей и цитирующееся практически во всех работах по истории антирелигиозной политики 1920-х гг. письмо Ленина от 19 марта 1922 г.¹²

⁹ Советское государство и евангельские церкви Сибири в 1920–1941 гг.: Док. и матер. / Сост., вст. ст. и коммент. А. И. Савина. Новосибирск, 2004. С. 136–137.

¹⁰ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-526. Оп. 1. Д. 7. Л. 5–93.

¹¹ Санкт-Петербургская епархия в XX веке в свете архивных материалов. 1917–1941: Сб. док. / Сост.: Н. Ю. Черепенина, М. В. Шкаровский. СПб., 2000. С. 31; Следственное дело патриарха Тихона: Сб. док. по материалам Центрального архива ФСБ РФ. М., 2000.

¹² Архивы Кремля: В 2-х кн. М.; Новосибирск, 1997. Кн. 1: Политбюро и церковь. 1922–1925 гг. С. 119–120, 133–136, 140–146, 151–155, 159–165, 175, 180–181, 217–218, 254–255, 322; М.; Новосибирск, 1998. Кн. 2: Политбюро и церковь. 1922–1925 гг. С. 6, 19, 51, 90, 94, 100, 109, 128, 140, 196; Изъятие церковных ценностей в Москве в 1922 году: Сб. док. из фонда Реввоенсовета Республики. М., 2006. С. 33; Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991): Матер. и док. по истории отношений между государством и Церковью / Сост. Г. Штриккер. М., 1995. С. 161–162.

Некоторые «письма», шифротелеграммы и почтотелеграммы содержали обязательные для исполнения адресатом предписания и по выполняемой ими функции приближаются к организационно-распорядительным документам¹³.

Протоколы отражают деятельность по совместному принятию решений коллегиальным органом управления. При принятии решений учитывалась информация о текущем положении дел.

Протоколы местных партийных и советских органов содержат информацию о принятии решений по вопросам, связанным с повседневной жизнью верующих того или иного региона, например, о выделении зданий для монастыря, поскольку жизнь монахов «основана на принципах коммунистической жизни», или о запрете на проведение крестного хода, поскольку «обновление икон есть явный вымысел, и что подобные явления в Советской Республике недопустимы»¹⁴. По этим документам можно выявить не только характер принимавшихся на местах решений, но и их мотивировку. При этом обоснование в вопросах о судьбе религиозных организаций было, как правило, обусловлено большевистской идеологией. В период «великого перелома» зафиксированные в протоколах органов власти решения становятся более радикальными. Обоснование этих решений всё чаще объясняется усилением подрывной деятельности представителей «враждебных классов». В качестве примера можно привести решение Сталинградского окружного исполкома от 1 марта 1929 г. о роспуске баптистской общины, Сталинградского окружного комитета партии от 22 апреля 1929 г. об антирелигиозной работе и секретариата Далькрайкома ВКП (б) об антирелигиозной пропаганде в школе¹⁵. Иногда в протоколы, наряду с идеологическими обоснованиями решений, включалось и достаточно подробное изложение фактического положения дел. В качестве примера можно привести протоколы заседаний бюро Далькрайкома 1937 г. о совершенствовании антирелигиозной агитации, в которых даётся достаточно подробная и неллицеприятная характеристика наличного состояния дел в этой области¹⁶. Многие протоколы по своей лаконичности приближаются к актам и содержат информацию лишь о дате закрытия того или иного храма и предполагаемом характере его использования¹⁷.

¹³ Советское государство и евангельские церкви Сибири в 1920–1941 гг. С. 137–138; Архивы Кремля. Кн. 1. С. 139, 165–166, 169–170.

¹⁴ Государство и религиозные организации Нижней Волги и Дона в XX веке: Сб. док. и матер.: Каталог культовых зданий / Сост. Ю. А. Редькина, Т. А. Савина. Волгоград, 2002. С. 104, 111, 113, 186.

¹⁵ Государство и религиозные организации Нижней Волги и Дона в XX веке. С. 166, 168–170; Религия и власть на Дальнем Востоке России: Сб. док. Государственного архива Хабаровского края. Хабаровск, 2001. С. 177–178.

¹⁶ Религия и власть на Дальнем Востоке России. С. 184–188.

¹⁷ ГАТО. Ф. Р-291. Оп. 6. Д. 12. Л. 42, 44–45; Чёрные дни русского православия: Док. и матер. притеснения служителей культа и религиозных объединений Тюменского края в годы советской власти. 1917–1965 гг. / Сост., вступ. ст. А. В. Чернышёва. Тюмень, 1992. С. 58.

Скупость содержащихся в протоколах сведений может быть компенсирована анализом документов, которые прилагались к протоколам. Среди них можно встретить, например, такие, как «разрешение» административного отдела Кесовогорского района, в которой ячейке воинствующих безбожников д. Барыгино разрешено «провести заседание верующих церкви с. Дубово и заседание церковного совета по вопросу отказа от церкви»¹⁸. Такого рода документы позволяют пролить свет на методы, какими от общин верующих добивались «добровольного» принятия нужных решений.

Протоколы местных подразделений Союза безбожников содержат информацию о росте влияния сектантства, статистические данные о соотношении просветительских учреждений и церквей, данные о недостатках антирелигиозной работы¹⁹. Например, в резолюции первого Ржевского окружного съезда воинствующих безбожников, который имел место в 1930 г., отмечалось, что на 380 церквей в округе имеется всего 60 изб-читален, 10 клубов и 9 библиотек. В данном документе указывается, что в Погорельском, Старицком, Селижаровском и Луковниковском районах образовались «сильные сектантские гнезда». Отмечается, что особенно влиянию сектантов подвержены представители национальных меньшинств (карелы)²⁰.

Протоколы центральных органов содержат ценные сведения о процессе выработки политики по отношению к религиозным организациям в целом, например об изъятии церковных ценностей и создании партийных органов, ведающих антирелигиозной работой. Особый интерес представляют протоколы заседаний Комиссии по проведению отделения церкви от государства (Антирелигиозной комиссии ЦК РКП (б))²¹. Большое значение при исследовании методов антирелигиозной политики, в том числе в отношении сектантов, мусульман и буддистов, имеют данные, содержащиеся в протоколах и стенограммах Дальбюро, комиссий и совещаний при отделе агитации и пропаганды ЦК РКП (б)²². Политика в отношении нехристианских религиозных организаций отражена также в протоколах заседаний Наркомнаца²³.

Определить отношение верующих к тем или иным мероприятиям власти и процесс выработки той или иной стратегии поведения в изменившихся условиях позволяет изучение протоколов и «журналов» различных церковных форумов, съездов мусульманского духовенства, а также *заявления* и ходатайства верующих по тем или иным злободневным вопросам. В них

¹⁸ ГАТО. Ф. Р-214. Оп. 6. Д. 12. Л. 328.

¹⁹ ГАРФ. Ф. Р-5407. Оп. 1. Д. 31; Д. 23. Л. 1–14; ГАТО. Ф. Р-2426. Оп. 1. Д. 6. Л. 12; Общество и власть. Российская провинция. Т. 2. С. 985.

²⁰ ГАТО. Ф. Р-2462. Оп. 1. Д. 6. Л. 37.

²¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 158. Л. 14; Оп. 112. Д. 443-а. Л. 1–40; Д. 565-а. Л. 1–61; Д. 775. Л. 1–41; Архивы Кремля. Кн. 1. С. 23, 28, 93–97, 108–115.

²² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 777. Л. 58–59; Д. 158. Л. 2–4, 14–15; Д. 438. Л. 1–2, 7; Д. 791. Л. 1–120; Д. 792. Л. 1–191.

²³ Ислам и советское государство (1917–1936): Сб. док. / Сост., авт. предисл. и примеч. Д. Ю. Арапов. М., 2010. Вып. 2. С. 32.

отражены результаты обсуждения вопроса о необходимости преподавания вероучения, выражаются протесты против закрытия храмов, содержатся просьбы о регистрации священников, прибывших в пустующие приходы, решаются вопросы повседневной жизни приходов²⁴. Иногда документы, по своей функции соответствующие протоколам, назывались «актами». Так были названы, например, документы, в которых зафиксировано, что прихожане Тверского кафедрального собора, Благовещенской, Богородице-Рождественской, Миновикторовской и Никитской церквей и граждане деревень Горютино и Андреевское после обсуждения проблемы решили заявить о своём возмущении против вскрытия мощей Михаила Ярославовича Тверского. Между тем граждане сёл Сонкова и Троицкого Большого аналогичный документ в полном соответствии с современным пониманием термина назвали «протоколом»²⁵.

Акты – документы, составленные несколькими лицами для подтверждения установленного факта, события или действия. Данные о ходе проведения тех или иных антирелигиозных акций позволяют уточнить акты осмотра мощей святых, акты осмотра имущества ликвидированных храмов, акты по изъятию церковных ценностей²⁶. Тот же термин был использован также для обозначения документа, составленного в Кимрском уезде на Ильинском волостном съезде 25 июля 1919 г. «Акт расследования постановления <...> о внесении икон во все советские учреждения» фиксировал факт нарушения распоряжения вышестоящей власти о вынесении икон из школ²⁷. Представляется, однако, что этот документ соответствует скорее понятию «протокола».

Среди информационных документов особого внимания заслуживают докладные записки, функция которых – передача информации на более высокий уровень управления. В документах данного вида содержится информация о сложившейся ситуации и выполненной работе. Также докладные записки содержат выводы и предложения составителя.

Иногда в рассматриваемый период документы, выполнявшие указанные функции, назывались «информацией», «докладами» или «информационными записками». «Информацией» был назван, например, документ о расторжении договора с группой верующих Скорбященской церкви г. Владивостока. Обновленцы, получившие это здание в своё распоряжение, мало интересовались его состоянием, оно пришло в негодность. После распада

²⁴ Государство и религиозные организации Нижней Волги и Дона в XX веке. С. 968–970; ГАТО. Ф. Р-214. Оп. 6. Д. 12. Л. 335, 453–456, 546–547, 556–558; Ф. Р-641. Оп. 1. Д. 1458. Л. 5, 11, 33, 35; Д. 1461. Л. 32, 36, 40.

²⁵ ГАТО. Ф. Р-641. Оп. 1. Д. 1463. Л. 97, 106, 114, 117–119, 122; Д. 1461. Л. 31; ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 2. Д. 705. Л. 20–20 об.

²⁶ ГАТО. Ф. Р-641. Оп. 1. Д. 1463. Л. 30; Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 1. Л. 8; Ф. Р-214. Оп. 6. Д. 12. Л. 328; Ф. Р-523. Оп. 1. Д. 722. Л. 60–107; Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Док. и фотоматериалы. М., 1996. С. 293; ГАТО. Ф. Р-291. Оп. 5. Д. 335. Л. 3; Оп. 6. Д. 12. Л. 81–82; Ф. Р-214. Оп. 6. Д. 12. Л. 81–82, 230, 270, 548–550.

²⁷ ТЦДНИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 22. Л. 26.

обновленческой общины авторами документа был поднят вопрос об использовании здания под школу, так как «староцерковники вполне обеспечены зданиями культа и передавать им Скорбященскую церковь нет необходимости и оснований». Другой документ – «информация» содержит только описание имевшего место антирелигиозного митинга, но здесь не отражены никакие предложения²⁸. «Докладом» был назван документ, составленный 23 июня 1924 г. заведующим административным подотделом отдела управления Приморского губисполкома Сычёвым об исполнении Декрета об отделении церкви от государства. По своей структуре и функциям он напоминает докладную записку: в первой, констатирующей, части, описывается состояние дел с реализацией Декрета об отделении церкви от государства в регионе, во второй части даны предложения по совершенствованию соответствующей деятельности. В частности, предлагалось разрешать открытие молитвенных зданий вдали от школ, рабочих и солдатских общежитий, предписывалось организовать сбор информации о всех служителях культа²⁹. «Информационной запиской» был назван документ, созданный в Отделе внутреннего управления Николаевского исполкома, направленный в Царицынский губернский исполнительный комитет. Документ является ответом на запрос вышестоящей власти о возможности закрытия молитвенных зданий. В констатирующей части документа была дана характеристика религиозной ситуации в уезде, в том числе сведения о посещаемости церквей. По мнению автора записки, «чтобы хотя частично пошатнуть в корне религиозно-фанатическое упование народа, в особенности магометан и лютеран, понадобится не число лет революции, а пережиток ряда поколений». Подчёркивается опасность того, что закрытие храмов будет использовано контрреволюционными элементами. Несмотря на это, автор настаивает на необходимости передачи хотя бы небольшой части храмов «для общепользовательных целей»³⁰.

Среди советских чиновников–авторов докладных записок встречались и люди, умеющие мыслить самостоятельно и даже осмеливавшиеся вступать в противоречие с преобладающими в большевистской среде взглядами. Обращает на себя внимание докладная записка сотрудника Общеконсультационного отдела Народного комиссариата юстиции П. В. Гидулянова от 10 мая 1920 г., посвящённая проблеме социального обеспечения церковнослужителей. В данном документе хорошо образованным советским чиновником из числа «буржуазных специалистов» производится сравнительный анализ различных вариантов отделения церкви от государства. Сравнивая советскую интерпретацию принципа отделения церкви от государства с северо-американской (приравнение церковных организаций к частным обществам) и французской (стеснение правоспособности церкви и

²⁸ Религия и власть на Дальнем Востоке России. С. 139, 180.

²⁹ Там же. С. 132–134.

³⁰ Государство и религиозные организации Нижней Волги и Дона в XX веке. С. 94–96.

выдача пенсий духовенству), П. В. Гидулянов приходит к выводу, что советская система церковно-государственных отношений ближе к французской. В ней за церковью отрицается имущественная правоспособность, а значит, и право организовывать социальную помощь престарелым церковнослужителям. Однако при этом Наркомат социального обеспечения отказал церковнослужителям и в праве на получение пенсий от государства. По мнению юриста, советская практика не соответствует закону и нуждается в корректировке. Но реакцией на данную докладную записку была резолюция о том, что на социальное обеспечение имеют право те, кто занимается общественно полезным трудом³¹. Служение церкви к таковому в советский период не относилось.

Что касается докладных записок, создаваемых на местном уровне, то их авторы редко осмеливались делать столь смелые выводы, как П. В. Гидулянов. Предложения местных чиновников, как правило, были выдержаны в русле официальной антирелигиозной политики. Так, в докладной записке заведующей столом регистрации обществ и союзов Володарского района в административный отдел Петроградского губернского исполкома от 9 февраля 1925 г. поставлена под вопрос целесообразность разрешения священникам вести религиозные беседы за пределами храмов³². В докладных записках, составленных на местном уровне, основной интерес представляет констатирующая часть. В них зачастую содержится чрезвычайно важная информация о количестве религиозных организаций, о принадлежащем им имуществе, о посещаемости храмов, размерах денежных сборов в церквях³³. Эти сведения являются важным дополнением и, возможно, средством для уточнения тех сведений, которые фиксировались в документах, создававшихся в центральных органах власти.

Чрезвычайно важную информацию о методах работы с религиозными организациями содержат докладные записки, авторами которых являлись сотрудники органов безопасности³⁴. Особый интерес представляют и докладные записки, описывающие различные «административные перегибы» и «левацкие наскоки», допускавшиеся антирелигиозниками на местах. Яркими примерами такого рода документов являются докладная записка по материалам Комиссии культов ЦИК СССР о состоянии религиозных культов в СССР, докладная руководителей административных органов Ленинградской области о нарушениях законности при проведении коллективизации весной 1930 г. и докладная записка ответственного секретаря культу-

³¹ ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 2. Д. 705. Л. 37–38.

³² Санкт-Петербургская епархия в XX веке в свете архивных материалов. С. 136–137.

³³ ГАТО. Ф. Р-478. Оп. 1. Д. 171. Л. 78–79 об; Санкт-Петербургская епархия в XX веке в свете архивных материалов. С. 171–175.

³⁴ Ислам и советское государство (1917–1936). С. 77–85.

вой комиссии при Президиуме Горьковского крайисполкома Н. Лебединского³⁵.

Справки в современном значении – это документы, содержащие подтверждение и описание тех или иных фактов или событий. В качестве примера «классической» справки можно привести документ о составе Антирелигиозной комиссии ЦК РКП (б), подготовленный для обсуждения на заседании Политбюро ЦК РКП (б) в 1929 г. и справку ЦАУ НКВД о получении заявления-ходатайства о регистрации Временного патриаршего синода от 20 мая 1927 г.³⁶ Справкой, соответствующей современному пониманию слова, можно назвать и документы о страховании имущества, находящегося в пользовании религиозной общины и справки о количестве закрытых и действующих церквей³⁷. Однако в советский период под «справкой» иногда подразумевались описания политических настроений той или иной группы населения, в т. ч. верующих и духовенства. Если справка в собственном смысле слова, как правило, содержит достаточно лаконичное изложение фактов, то в справках и «информационных справках» первых лет советской власти часто содержались достаточно пространственные рассуждения о контрреволюционности попов, приводились примеры их активности и рассказывалось о существующих недостатках в антирелигиозной работе на местах³⁸. Такого рода документы по характеру отображения информации приближаются к информационным сводкам.

Сводки содержат обобщённые сведения по одному вопросу. Особого внимания заслуживают информационные сводки ВЧК–ОГПУ–НКВД. Многие из них либо были целиком посвящены сбору информации о религиозных организациях, либо содержали соответствующие разделы. С самого начала организации сбора информации с мест, в 1918–1920 гг., в сводках ЧК преобладал негативный, критический материал о деятельности учреждений советской власти и её представителей на местах. В Инструкции Информационного отдела ОГПУ от 7 февраля 1922 г. основной целью информационных сводок объявлялось «информирование о степени устойчивости положения на местах, а также о проведении и укреплении на местах политики большевиков». Согласно циркулярному письму от 23 февраля 1924 г. хорошая организация сбора информации должно было позволить «предвидеть назревающие конфликты» и устранить дефекты, отрицательно отражающиеся на настроениях рабочих и крестьян. Сводки должны были показать реакцию населения на те или иные мероприятия власти. В связи с этим современные исследователи отмечают, что назначение секретной информации ОГПУ – «выявить и фиксировать именно негативные с точки зрения

³⁵ ГАРФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 32. Л. 1–66; Санкт-Петербургская епархия в XX веке в свете архивных материалов. С. 154–156; Общество и власть. С. 950–951.

³⁶ Архивы Кремля. Кн. 1. С. 233, 455–456.

³⁷ ГАТО. Ф. Р-291. Оп. 6. Д. 12; Ф. Р-214. Оп. 6. Д. 12. Л. 472.

³⁸ Государство и религиозные организации Нижней Волги и Дона в XX веке. С. 90–93, 146, 285.

власти явления в жизни общества и прежде всего враждебные ей». Ценность данного источника заключается также в том, что сводки составлялись регулярно и предназначались для элиты советского общества³⁹.

Сводки ВЧК–ОГПУ–НКВД являются важным источником, проливающим свет на состояние антирелигиозной работы⁴⁰, дающим представление о различных формах активности духовенства и верующих: об организации поклонения обновлённым иконам, о попытках строительства новых храмов, о борьбе верующих за продолжение преподавания Закона Божьего детям, о съездах духовенства, о различных течениях в Православии, о развитии сектантского движения⁴¹.

Несмотря на указанные преимущества, информация данного источника нуждается в критическом осмыслении. Это связано с тем, что при передаче информации с одного уровня на другой она неизбежно подвергается фильтрации, причём критерии отбора информации у советского чиновника далеко не всегда совпадал с таковыми у современного исследователя. В частности, в информационных сводках как ритуальные заклинания повторяются фразы о том, что религия отмирает, уходит в небытие, становится уделом безграмотных старух. Сравнительный анализ сводок за различные периоды и по различным территориям показывает, что это являлось сильным преувеличением. Чекисты не могли замалчивать случаи открытых конфликтов на религиозной почве, поскольку в их должностные обязанности входило предупреждение любых беспорядков. Однако большевистская идеология оказала сильное влияние на содержание информационных сводок, что проявлялось, впрочем, не столько в искажении фактов, сколько в их своеобразной интерпретации, например, прочность религиозных традиций объяснялась потребностью выпивки во время церковных праздников⁴².

Наряду со сводками, специально посвящённым состоянию религиозных организаций (или содержащими соответствующие разделы), интерес представляют сводки контрреволюционных дел, которые заводились в том числе и против священников, дьяконов и церковных старост. В них содержится не только краткая информация о преступлении, но и заимствованные из следственных дел воззвания, касающиеся и антирелигиозной политики власти. Значительный интерес при исследовании антирелигиозной политики представляют и сводки, составлявшиеся партийными органами и местными подразделениями Союза воинствующих безбожников. В них, в частности, содержатся сведения о деятельности сектантов и «церковников»,

³⁹ Борисова Л. В., Виноградов В., Ивницкий Н. А., Кондрашин В. Указ. соч. С. 32; Виноградов В. К. Указ. соч. С. 50; Данилов В., Верт Н., Берелович А. Советская деревня 1923–1929 гг. по информационным документам ОГПУ. (Введение) // Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД: Док. и матер. 1923–1929. М., 2000. Т. 2. С. 7–8.

⁴⁰ ТЦДНИ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 630. Л. 7; Д. 631. Л. 32, 89 об, 118 об; Д. 273. Л. 70 об.

⁴¹ Там же. Д. 631. Л. 15, 19, 43–43 об; Д. 271. Л. 66 об–67; Д. 631. Л. 90, 157; Д. 269. Л. 39 об–40; Советское государство и евангельские церкви Сибири в 1920–1941 гг. С. 106.

⁴² ТЦДНИ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 631. Л. 57–57 об.

изменениях в количестве сектантов, процессе закрытия молитвенных зданий, формах антирелигиозной работы и участия в ней тех или иных организаций. Однако поскольку сводка предполагает достаточно лаконичное изложение фактов, зачастую бывает трудно понять значение тех или иных фраз вроде «смычки поповства с хулиганством»⁴³. Значение таких высказываний можно выявить при обращении к документам, созданным на более низком уровне управления. Очевидно, что обращение к документам, информация в которых менее обобщена, содержит больше фактического материала о положении в том или ином уезде и волости, позволит подвергнуть критическому анализу и многочисленные идеологические клише, которыми пестрят информационные сводки.

Таким образом, при изучении процесса фильтрации информации важно учитывать, что она производилась неоднократно. Поэтому особый интерес представляют сводки, создававшиеся на низших уровнях управления. Они позволяют с высокой долей достоверности определить, имели ли место какие-либо эксцессы при проведении тех или иных антицерковных мероприятий, складывалась ли где-либо напряжённая ситуация в связи с антирелигиозной политикой власти. Но оценка событий, а отчасти и отбор фактов могли быть предвзятыми. Поэтому информационные сводки, как и другие информационные документы, необходимо сравнивать с данными других источников – судебно-следственных дел, статистических материалов, источников личного происхождения и т. д.

Информационные документы являются чрезвычайно важным источником по истории советской антирелигиозной политики. В целом для них характерно искажение информации под влиянием различия в социальном статусе отправителя и получателя. Однако для каждого из видов документов этой группы можно выделить свои особенности. Учёт этих особенностей позволяет выделить ряд видов информационных документов (например, докладные записки и информационные сводки) как имеющих первостепенное значение при исследовании советской антирелигиозной и антицерковной политики.

При изучении специфики тех или иных видов информационно-справочных документов необходимо учитывать различия, существующие между терминологией советского периода и современными документоведческими понятиями. Так, многие «справки» советского времени по своим функциям ближе к тому, что мы сейчас называем «сводками». Тот вид документов, который сегодня принято называть «докладной запиской», ранее мог называться «докладом», «информацией», «информационной запиской». Не всегда чётко прослеживается различие между «актом» и «протоколом» первых лет советской власти. Впрочем, многое объясняется недостатком квалифицированных кадров в органах власти и управления этого периода.

⁴³ ТЦДНИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4075. Л. 1; Оп. 3. Д. 274. Л. 48.

Авторы докладных записок (особенно в начальный период существования советской власти) зачастую оказывались способными к достаточно беспристрастному подходу к оценке сложившейся ситуации и давали не только достаточно объективное описание фактического положения дел, но и, как показывает пример П. В. Гидулянова, иногда выдвигали достаточно смелые предложения по корректировке сложившейся практики для того, чтобы привести её в согласие с принципами подлинной свободы совести. В вышеупомянутом случае автор докладной записки выступил, если продолжить пользоваться терминами социологии знания, как *интеллектуал* – «эксперт, экспертиза которого не желательная для общества в целом», поскольку его мнение противоречило тем установкам, которые были связаны с «символическим универсумом» нового общества. Тот факт, что подобного рода экспертиза являлась скорее исключением из правила, было связано с тем, что в российском обществе начала XX в. не сложилось условий для благоприятной для нововведений и интенсивного развития «плюралистической ситуации». Она «предполагает городское общество с сильно развитым разделением труда, сопутствующей высокой дифференциацией социальной структуры и большими экономическими излишками»⁴⁴. Это явно не было ситуацией Советской России.

В меньшей степени по сравнению со сводками и докладными записками основывались на анализе фактического материала протоколы советских и партийных органов. В них на первый план выходит идеологическое обоснование решений. Вместе с тем во многих протоколах отражены те проблемы, с которыми сталкивались большевики при реализации антирелигиозной политики. Такие протоколы датируются, как правило, теми периодами, когда проводилась очередная кампания «критики и самокритики», например, во время борьбы с «головокружением от успехов» или с «вредительским» бездействием атеистических работников. Большой интерес представляют доклады чиновников и другие документы, которые прилагались к протоколам. Важную информацию о позиции членов тех или иных религиозных организаций несут протоколы собраний верующих и духовенства.

Служебная переписка оказывается видом документов, находящимся как бы на границе между собственно делопроизводственными материалами и источниками личного происхождения, что позволяет выявить своеобразие восприятия тех или иных идеологических догм в сознании отдельных представителей власти.

С течением времени советские и партийные информационные документы всё более становятся образцами того, как все факты, не вписывающиеся в большевистскую картину мира, подвергаются процессу, который в социологии знания называется «аннигиляцией», т. е. «концептуальной ликвидацией», «негативной легитимацией» всего, что находится в противоре-

⁴⁴ Бергер П., Лукман Т. Указ. соч. С. 204–205.

чии с «символическим универсумом» данного общества. Процесс этой «аннигиляции» имел свою специфику для каждого из видов документов. Особенно деликатной задача представлялась в случае описания ситуации на местах в информационных сводках органов безопасности: замалчивание нежелательных явлений находилось в вопиющем противоречии с задачами чекистов. Однако в арсенале чиновников оказывались различные формы искажающей действительность интерпретации, например, объяснение возникающих проблем влиянием кулаков и других «враждебных элементов». Такая форма аннигиляции у Т. Лукмана и П. Бергера объясняется как приписывание «девиантным феноменам» «негативного онтологического статуса». Представители социологии знания подчёркивают, что вслед за концептуальной ликвидацией в случае политической целесообразности производится ликвидация физическая⁴⁵. С учётом данного подхода сдвиг от яростной антирелигиозной пропаганды к жестоким репрессиям против верующих находит своё объяснение как достаточно распространённый в истории человечества паттерн конкурентной борьбы между различными вариантами интерпретации реальности.

Информационно-справочные документы предоставляют исследователю возможность учесть социальный контекст мышления людей изучаемого периода, понять ситуацию в её собственных терминах. Они позволяют воссоздать процесс «приспособления» учитываемой в информационных документах фактической ситуации к принятому в качестве единственно верного варианту её интерпретации. Они же позволяют проследить степень несоответствия существовавшего в сознании правителей идеала тотально организованного для достижения единой цели общества реальному положению дел, в том числе и выявить то, до какой степени потерпела неудачу попытка сделать это общество целиком и полностью безбожным.

Литература:

- Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. М., 1996.
- Борисова Л. В., Виноградов В., Ивницкий Н. А., Кондрашин В.* Информационные материалы ВЧК–ОГПУ за 1918–1922 гг. как исторический источник // Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД: Док. и матер. 1918–1922. М., 1998. Т. 1.
- Вийхавайнен Т.* Материалы ОГПУ за 1925 год о настроениях в советском обществе // «Совершенно секретно»: Лубянка–Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). М., 2002. Т. 3, ч. 1.
- Виноградов В. К.* Информационные материалы ОГПУ за 1923–1929 гг. // Советская деревня глазами ВЧК–НКВД–ОГПУ: Док. и матер. 1918–1922. М., 2000. Т. 2.

⁴⁵ Бергер П., Лукман Т. Указ. соч. С.187–188.

- Гэтти А.* Ценный исторический источник // «Совершенно секретно»: Лубянка-Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). М., 2002. Т. 3, ч. 1.
- Петров С. Г.* Документы делопроизводства Политбюро ЦК РКП (б) как источник по истории Русской церкви (1921–1925 гг.) / Отв. ред. Н. Н. Покровский. М., 2004.
- Питер Х. Соломон-младший.* Летопись фактических событий // «Совершенно секретно»: Лубянка-Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). М., 2001. Т. 7.
- Савельев С. Н.* Протоколы антирелигиозных мудрецов // Религия и свободомыслие в культурно-историческом процессе. СПб., 1991.
- Севостьянов Г. Н.* Предисловие // «Совершенно секретно»: Лубянка-Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). М., 2001. Т. 1, ч. 1.
- Теренс Мартин* Обзоры ОГПУ и советские историки // «Совершенно секретно»: Лубянка-Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). М., 2001. Т. 1. Ч. 1.

A. V. Sipeykin

**THE DIRECTORY DOCUMENTATION AS A SOURCE ON
STORIES OF THE SOVIET ANTIRELIGIOUS AND ANTI-
CHURCH POLICY IN 1917–1930TH YEARS**

Summary

This article is devoted to Communist Party's and Soviet informational documents as sources on history of antireligious policy in Soviet Union. Author concluded that this type of documents is very important for studying history of church-state relationships.

Keywords: anti-religious policy, Communist party's information, OGPU (Soviet secret service).
